

О практике реализации уголовно-процессуального принципа охраны прав и свобод человека и гражданина при производстве следственных действий

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы, возникающие в практике реализации одного из принципов уголовного судопроизводства — охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ) в части вовлечения подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности в орбиту следственных действий.

Отталкиваясь от «высокого» правового смысла, заложенного в принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, автор выражает резко негативное отношение к выполнению требований ч. 5 ст. 164 УПК РФ как обременительной формальности. При этом вносятся предложения, направленные на совершенствование практических технологий установления личности участников следственных действий, разъяснения им порядка их производства, прав, предупреждения их об ответственности, а также обеспечения возможности эффективно использовать предоставленные права.

Ключевые слова: следственные действия, участники следственных действий, правила проведения следственных действий, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, принципы уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная ответственность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.81.8.133-141

В настоящее время одним из наиболее приоритетных направлений развития уголовного судопроизводства является изучение и совершенствование механизмов обеспечения прав и свобод личности, обусловленных переходом Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, ратификацией международно-правовых документов в этой области и проводимой

судебной реформой, заложившей качественно новые концептуальные подходы к предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. На этом фоне повышенный интерес проявляется к наиболее концептуальным правовым положениям — принципам уголовного судопроизводства, которые позволяют трансформировать заложенные на международном и конституционном уров-

© Россинский С. Б., 2017

* *Россинский Сергей Борисович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

sbrossinskij@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

не правовые ценности, связанные с правами и свободами личности, в сферу уголовно-процессуального регулирования и построить эффективную систему уголовной юрисдикции, отвечающую современным стандартам правового государства. Охрана прав и свобод личности (человека и гражданина) — одна из важнейших правовых основ, на которых зиждется вся концепция современной модели российского уголовного судопроизводства. Отказ от этой правовой ценности или ее существенное изменение отбросит уголовный процесс далеко в прошлое и тем самым перечеркнет усилия многих ученых-процессуалистов, движимых идеями заботы об интересах личности как смысле и цели уголовной юрисдикции.

Вместе с тем, будучи достаточно хорошо разработанным на доктринальном уровне, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ) вызывает существенные затруднения в ходе своей практической реализации применительно к отдельным уголовно-процессуальным правоотношениям, к конкретным фрагментам предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть прикладные проблемы, связанные с обеспечением реализации данного принципа в части производства следственных действий, под которыми мы понимаем производимые следователем (дознавателем)¹ уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела².

Итак, по общему правилу, содержащемуся в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, лица, осуществляющие уго-

ловное судопроизводство, обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и другим субъектам их права, обязанности, ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. В части производства следственных действий указанное концептуальное положение находит отражение в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, предполагающей прямую обязанность следователя, удостоверившись в личности конкретного участника, разъяснить ему права и порядок проведения предстоящей процедуры, а в необходимых случаях — предупредить об ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих функций³.

На первый взгляд данные нормативно-правовые предписания являются достаточно безукоризненными, позволяющими посредством установления дополнительных гарантий полноценно обеспечить законные интересы подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и других субъектов, привлекаемых к участию в следственных действиях на непрофессиональной основе. Однако заложенный в них позитивный замысел невольно упирается в реалии правоприменительной практики, что во многом делает их не более чем пустой формальностью или просто превращает в профанацию. Таким образом, этот вопрос заслуживает более пристального внимания, чем то, которого он традиционно удостоен в современной научной или учебной литературе; рассмотрение указанных проблем должно носить не столько доктринальный, сколько практико-ориентированный характер.

Первое требование, которое может вызывать затруднения в правоприменительной деятель-

¹ Далее по тексту настоящей статьи для упрощения изложения материала в качестве должностного лица, осуществляющего следственные действия, нами будет рассматриваться только следователь.

² *Россинский С. Б.* Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015. С. 78.

³ В данном случае эти функции понимаются нами не в общепроцессуальном смысле как основные направления деятельности субъектов уголовного судопроизводства (обвинение, защита, разрешение уголовного дела и т.д.), а в более узком значении, определенном в работах С. А. Шейфера и предполагающем специфическую роль соответствующего участника в контексте познавательной направленности следственных действий, собирания (формирования) новых или проверки имеющихся доказательств. Подробнее см.: *Шейфер С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 134.

ности — обязанность следователя удостовериться в личности соответствующего участника следственного действия.

К сожалению, российским законодательством не установлен единый перечень документов (помимо паспорта), удостоверяющих личность гражданина РФ. Это сделано лишь для конкретных правоотношений (регистрационного учета по месту жительства или фактического пребывания, выезда за границу, участия в выборах, референдумах и т.д.)⁴. Следовательно, формирование некой унифицированной практической рекомендации по установлению личности участника процессуального действия представляется невозможным. А следователям надлежит оценивать подлинность личности того или иного субъекта в каждой конкретной ситуации индивидуально, по своему внутреннему убеждению, в порядке правовой аналогии с общими правилами оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Конечно, в большинстве случаев данный вопрос представляется не более чем технической формальностью и решается посредством паспорта гражданина РФ или заменяющего его документа (удостоверения личности военнослужащего РФ, удостоверения личности гражданина РФ на срок оформления паспорта и т.д.)⁵, на что в своих работах совершенно справедливо указывает О. Я. Баев⁶.

Личность иностранного гражданина (лица без гражданства) может быть установлена по документу, выданному иностранным государством, разрешению на временное проживание, виду на жительство или иным документам, предусмотренным федеральным законом или признаваемым в соответствии с международным договором в качестве документов, удосто-

веряющих личность человека без гражданства (ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Личность несовершеннолетнего устанавливается свидетельством о его рождении и документами (паспортом) законного представителя, личность адвоката — его адвокатским удостоверением и ордером на право участия в данном уголовном деле, а личность представителя — паспортом и доверенностью, заверенной подписью и печатью руководителя организации или в нотариальном порядке.

Однако как установить личность участника следственного действия ввиду сомнительности или банального отсутствия у него указанных документов? Решение данного вопроса законодатель полностью оставляет на усмотрение следователя. И здесь возможны различные варианты. Во-первых, личность участника следственного действия может быть установлена по иным документам (водительскому или служебному удостоверению, заграничному паспорту, студенческому билету, пропуску и т.д.). Во-вторых, подлинность личности могут подтвердить иные субъекты (свидетели, потерпевшие и пр.). В-третьих, ввиду сложившейся по делу ситуации следователь вправе отложить производство следственного действия, поручив органу дознания проведение мероприятий по установлению личности данного субъекта. И, наконец, в-четвертых, сведения о личности участника следственного действия могут быть установлены с его собственных слов. Какой из указанных способов является более разумным, эффективным и надежным в том или ином случае — определяет сам следователь с учетом своего правосоз-

⁴ Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник. 4-е изд. М. : Норма, 2009. С. 194.

⁵ Указ Президента РФ от 13 марта 1997 г. № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» ; постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями ; постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 91 «Об удостоверении личности военнослужащего Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

⁶ Баев О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2012. С. 51.

нения, правопонимания, надлежащего уровня профессиональной ответственности и жизненного опыта. Однако при возникновении любых сомнений в достоверности личности участника следственного действия данный факт в обязательном порядке должен найти отражение в материалах уголовного дела для обеспечения возможности последующей проверки и оценки полученных результатов.

В этой связи О. Я. Баев предлагает каждый раз выносить специальное постановление с указанием сведений о личности соответствующего субъекта как фрагмента формальной истины⁷. Однако подобный подход не совсем разумен. С одной стороны, следователь выполняет лишнюю работу, что в условиях и без того большой забюрократизированности досудебного производства, значительной нагрузки, процессуальной цейтнота и других факторов, сопутствующих выполнению им служебных обязанностей, явно неконструктивен. С другой стороны, вынося подобное постановление, следователь фактически своим государственно-властным решением устанавливает юридически значимый факт, т.е. осуществляет не свойственную ему функцию, находящуюся в исключительном ведении суда. Поэтому представляется, что все данные, указывающие на источники установления сведений о подлинности личности участника, надлежит фиксировать не в отдельном постановлении, а прямо в протоколе следственного действия.

Второе требование — о разъяснении участникам следственных действий порядка его производства, а также прав, обязанностей и ответственности. Самый актуальный вопрос, который возникает в части выполнения этих законодательных предписаний, заключается в том, что значит разъяснить порядок производства следственного действия? Ведь ввиду сложной системы уголовно-процессуального права, предполагающей нормы Общей и Особенной частей, отсылочные гипотезы и диспозиции и еще много нюансов современной юридической техники, такой порядок определяется требованиями нескольких десятков статей, рассредоточенных по

разным разделам и главам УПК РФ. Это и нормы-принципы, и положения о процессуальном статусе отдельных участвующих лиц, и каноны доказательственного права, и общие условия предварительного расследования, и общие правила проведения следственных действий, и, наконец, особенности производства, фиксации хода и результатов конкретных познавательных процедур. Кроме того, на современную следственную практику оказывают регулятивное воздействие некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Таким образом, для полноценного разъяснения участвующим лицам порядка следственного действия следователю фактически надо превращаться в вузовского преподавателя и знакомить их с полным учебным курсом уголовно-процессуального права, по крайней мере, досудебного производства (а по-хорошему — еще и с курсами теории права, правоохранительных органов и т.д.), что выглядит более чем абсурдным.

В этой связи практика нашла для себя гораздо более простой и быстрый «способ» выполнения данного законодательного предписания, состоящий в его полном игнорировании, в простом уклонении следователей от выполнения подобной обязанности. Даже используемые в практической деятельности бланки протоколов (которые, кстати, в свое время вообще были предусмотрены законом) не содержат ни единого намека на разъяснение участвующим лицам порядка производства следственного действия, что заслуживает исключительно негативной оценки и резко снижает уровень защиты прав и свобод личности, вовлекаемой в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений.

Представляется, что выход из сложившейся ситуации может быть найден лишь посредством надлежащего методического обеспечения следственной деятельности и формирования некоего унифицированного и короткого перечня базовых тезисов, позволяющих в доступной форме объяснить дилетанту сущность, цели, задачи проводимого следственного действия, обязан-

⁷ Баев О. Я. Указ. соч. С. 52—53.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2003. С. 628.

ности и последовательность действий участвующих лиц, а также потенциальные возможности воздействия на них следователя при неподчинении его законным требованиям. Вполне допустимо включить данный перечень прямо в бланк соответствующего протокола.

Следующий вопрос связан с практической технологией разъяснения прав участникам следственных действий. Подобное предписание вытекает из неписанной презумпции процессуальной безграмотности непрофессиональных участников следственных действий, которая лишает их возможности эффективно пользоваться предоставленными им правовыми гарантиями. Исходя из смысла закона, права надлежит разъяснять всем лицам, привлекаемым к участию в следственных действиях, независимо от выполняемых ими функций, наличия юридического образования, профессионального или жизненного опыта. С одной стороны, указанный формальный подход весьма разумен, отвечает принципу равенства всех перед законом и как бы «подстраховывает» следователя от возможных ошибок. Но, с другой стороны, бремя разъяснения прав всех и каждому сильно перегружает следственные действия, поскольку в некоторых случаях является не более чем пустой формальностью. Для примера здесь можно привести допрос в качестве свидетеля сотрудника полиции об обстоятельствах задержания им лица в момент совершения преступления. Допрашиваемый сообщил следователю, что уже достаточно долго служит в органах внутренних дел, неоднократно давал свидетельские показания в подобных ситуациях, кроме того, обучается на заочном отделении юридического факультета и только что успешно сдал экзамен по уголовному процессу, поэтому прекрасно осведомлен о своих правах.

Примечательно, что следственная практика выработала в этой ситуации достаточно компромиссный и вполне справедливый подход. Он заключается в том, что следователи разъясняют права всем участникам следственных действий, за исключением защитников (адвокатов), которые априорно имеют высшее юридическое образование, сдают квалификационный экзамен и поэтому должны быть прекрасно осведомле-

ны о своих уголовно-процессуальных возможностях. В отношении остальных лиц действует принцип: «лучше перестраховаться». Не имея ничего против подобного подхода, мы тем не менее позволим высказаться о возможности освобождения следователя от разъяснения прав тем субъектам, которые, наряду с адвокатами, участвуют в следственных действиях на профессиональной основе (по долгу службы), в частности свидетелям — сотрудникам правоохранительных органов, специалистам — сотрудникам государственных (а в перспективе — и негосударственных) судебно-экспертных учреждений, представителям организаций — сотрудникам соответствующих юридических служб и отделов.

Далее о форме разъяснения прав. Вообще разъяснить что-то — это значит растолковать, сделать ясным, понятным⁸. Предписывая разъяснение прав участникам следственных действий, законодатель, как уже отмечалось выше, предполагает механизм, направленный на некоторое преодоление процессуальной безграмотности подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других лиц, чем старается обеспечить предоставленные им правовые гарантии. Поэтому форма разъяснения прав должна определяться, исходя из приоритета наибольшей комфортности для уяснения соответствующих сведений адресатом. Кто-то лучше усваивает информацию на слух, кто-то — визуально, у кого-то в процессе разъяснения прав могут возникнуть дополнительные вопросы и т.д. Конечно, мы не предлагаем доводить подобную ситуацию до крайней степени догматизма и тем более ставить следователя в зависимость от возможных злоупотреблений со стороны участников следственных действий. Во всем должна быть определенная доля разумности. Но тем не менее, выполняя предписания ч. 5 ст. 164 УПК РФ, следователь не вправе относиться к ним как к обременяющим его работу ненужным формальностям; он должен осознавать весь груз возложенной на него государством ответственности, должен понимать, что в данном следственном действии именно он, а не кто другой, является представителем государства, т.е. гарантом прав и свобод личности, которыми

эта личность сможет воспользоваться только после надлежащего восприятия и уяснения.

К великому сожалению, практика идет по совершенно иному, чисто формальному пути; правоприменитель зачастую игнорирует, а может быть, до конца не понимает тот «высокий» правовой замысел, который заложен в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, считая его ничем не оправданным бременем и впадая при этом в две противоположные крайности. Либо следователи вообще уклоняются от разъяснения прав участвующим в следственном действии лицам, заставляя их просто расписаться в соответствующей графе протокола, тем самым имитируют выполнение предусмотренных законом требований (подобный механизм весьма распространен в отношении необразованных, малограмотных, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы субъектов, склонных полностью доверять любым действиям сотрудников правоохранительных органов именно из непонимания их сути). Либо они начинают быстро и монотонно зачитывать участнику следственного действия все его права, предусмотренные соответствующим уголовно-процессуальным статусом: от возбуждения уголовного дела до участия в суде надзорной инстанции (такая технология получила распространение в отношении лиц с высоким уровнем правовой культуры или при использовании технических средств аудио-, видеозаписи). Подобная крайность, видимо, и является результатом недопонимания следственными работниками замысла ч. 5 ст. 164 УПК РФ; они действуют по принципу: «кашу маслом не испортишь», т.е. «разъясняемые права лишними не бывают». Но такая технология тоже не имеет никакой практической пользы, а наоборот, несет один лишь вред ввиду того, что нормальный человек просто не способен уловить и уяснить столь объемный массив быстро и монотонно доводимой до него информации и тем более сообразить, какие из перечисленных прав имеют отношение к проводимому следственному действию.

Решение указанной проблемы нам видится в формировании принципиально иной правоприменительной практики разъяснения участникам следственных действий их процес-

суальных прав. В этой связи представляются разумной прикладная технология, основанная на следующих тезисах:

1. Следователь не должен разъяснять участникам следственных действий все права, составляющие их процессуальный статус. В полном объеме эти права разъясняются лишь при наделении субъекта данным статусом (при задержании подозреваемого, предъявлении обвинения, признании потерпевшим) или в подготовительной части судебного заседания. Исключение составляют только права свидетеля, специалиста, понятого и других временных (локальных) субъектов, участие которых в уголовном деле ограничено рамками данного следственного действия. Вместе с тем следователь не вправе забывать о грузе возложенной на него государством ответственности за обеспечением установленных законом процессуальных гарантий, поэтому в каждом случае производства нового следственного действия ему надлежит выяснять у участников, не нуждаются ли они в дополнительном (повторном) разъяснении всех прав. В случае поступления подобного ходатайства права разъясняются заново в полном объеме.
2. Участникам следственных действий разъясняются лишь права, вытекающие из их содержания, т.е. подлежащие использованию в связи с проведением конкретного следственного действия (право давать показания, пользоваться для этого родным языком, заявлять ходатайства и отводы и т.д.). В этой связи целесообразно разработать унифицированные перечни подобных прав применительно к каждому участнику каждого следственного действия, включив их в бланки соответствующих протоколов.
3. В необходимых случаях участникам следственных действий должны быть разъяснены их специальные права (право на свидетельский иммунитет, право добровольно выдать предметы, документы или ценности в ходе обыска, право ходатайствовать о применении мер безопасности и т.д.), а при нежелании воспользоваться данными правами — предупредить о возможных негативных

последствиях, например об использовании их показаний в качестве доказательств по уголовному делу.

4. В каждом случае следователю надлежит выяснять, в какой форме участник предпочитает знакомиться со своими процессуальными правами (посредством личного прочтения, посредством оглашения следователем или посредством оглашения защитником или представителем).
5. Устное оглашение прав должно осуществляться в форме, доступной для восприятия и усвоения соответствующим участником следственного действия. В перспективе представляется возможным использование в этих целях специальных технических средств, воспроизводящих аудиозапись разъяснения прав профессиональным диктором.
6. После ознакомления с правами следователь обязан выяснить у соответствующего участника, понятны ли ему эти права, не имеет ли он вопросов, и при поступлении соответствующего ходатайства — сделать дополнительные пояснения.

В любом случае подобная прикладная технология может быть внедрена в следственную практику при высоком уровне профессионализма, правосознания и ответственности следственных работников как перед государством, так и перед отдельно взятой личностью за исполнение своих обязанностей.

Следующее требование касается предупреждения определенных участников следственных действий об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих процессуальных обязанностей. Так, свидетель и потерпевший предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний (ст. 307, 308 УК РФ), переводчик — за заведомо ложный перевод (ст. 307 УК РФ) и, наконец, любые участники — за разглашение данных предварительного следствия (ст. 310 УК РФ). В целом, являясь достаточно устоявшейся правовой гарантией доброкачественности формируемых таким об-

разом доказательств, не вызывая никаких нормативно-правовых или практических проблем, данный механизм представляется более чем странным, противоречащим общеправовому принципу презумпции знания закона, в частности уголовного закона.

В свое время известный советский и российский юрист А. А. Тилле писал: «Никто не может отговариваться незнанием закона (*Ignorantia juris neminem excusat*) — эта формула с давних пор известна каждому юристу. Знают ее и граждане, не принадлежащие к юридической корпорации»⁹. В обыденной жизни, в иных правоотношениях данный постулат ни у кого не вызывает сомнения и представляется настолько очевидным, что даже не требует формального закрепления на уровне национального законодательства. Например, вряд ли необходимо каждый раз предупреждать чиновника, приходящего утром на службу, об уголовной ответственности за получение взятки; вряд ли следует каждый раз предупреждать водителя, садящегося за руль автомобиля, об уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека; вряд ли надо каждый день объяснять любому из нас об уголовной ответственности за убийство, кражу, грабеж и еще целый спектр преступлений, которые потенциально может совершить каждый человек. Закон даже не содержит предписания о предупреждении дознавателя, следователя, прокурора, судьи за превышение полномочий, за фальсификацию доказательств, за незаконное лишение свободы. Ввиду принципа презумпции знания закона такие идеи являются более чем абсурдными и могут вызвать лишь улыбку.

Однако аналогичные, по сути, нормы о предупреждении участников следственных действий об уголовной ответственности подобной реакции в юридической науке почему-то не вызывают, а наоборот, позиционируются как весьма действенные гарантии доброкачественности полученных доказательств. На этом фоне особенно ярко выглядит норма о предупреждении об уголовной ответственности сотрудника

⁹ Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3.

государственного судебно-экспертного учреждения, априорно знающего содержание ст. 307 УК РФ чуть ли не лучше субъекта, которому он дает соответствующую подписку. Кстати, весьма примечательно, что данные нормы впервые появились в ст. 164 и 170 УПК РСФСР 1923 г., пришедших на смену положениям Устава уголовного судопроизводства Российской империи, где основной гарантией доброкачественности показаний был допрос под присягой религиозного характера, сопровождаемой прикладыванием к Священному Писанию и православному кресту (ст. 713 УУС). Не имея никакого намерения критиковать советский порядок уголовно-процессуальной деятельности, тем не менее считаем, что указанные нормы давно пережили свое время и являются типичными правовыми анахронизмами. Предполагаемые ими гарантии доброкачественности представляются на сегодняшний день весьма слабыми и, как правило, не удерживают заинтересованных лиц от отказа от дачи показаний, дачи заведомо ложных показаний (переводов) и т.д., тем более, что ввиду сложности процессуального доказывания этих преступлений практика привлечения лиц к уголовной ответственности, например, по ст. 307 УК РФ, широкого распространения не имеет.

В этой связи представляется целесообразным исключить из процедуры следственных действий предписания об обязательном предупреждении участников об уголовной ответственности как противоречащие общеправовому принципу презумпции знания закона, являющиеся нормативными анахронизмами и представляющими весьма слабые и сомнительные гарантии обеспечения доброкачественности соответствующих результатов. Однако эти методы можно сохранить как тактические приемы допроса (иных следственных действий), позволив следователю напоминать соответствующим участникам об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний и т.д. по своему усмотрению в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

И наконец, последнее — это требование об обеспечении возможности осуществления

своих прав участниками следственных действий, которое напрямую вытекает из ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Данное общее правило предполагает создание такого правового климата, при котором усилия следователя, наряду с познавательной деятельностью, с собиранием (формированием) и проверкой доказательств, максимально направлены на создание наиболее благоприятных условий, позволяющих заинтересованным лицам реализовать свои процессуальные возможности в соответствии с концепцией современной уголовно-процессуальной деятельности. Несмотря на участие защитников, представителей, несмотря на возможную правовую грамотность некоторых потерпевших, свидетелей, иных присутствующих лиц, именно он — следователь, являясь представителем государства, выступает публично-правовым гарантом прав и свобод личности. Следователь не вправе занимать пассивную роль, ожидая, когда тот или иной участник заявит ходатайство, отвод, подаст заявление и т.д. Тем более он не должен безучастно наблюдать за формальными ошибками этих лиц, предвкушая возможность их использования в своих целях. Следователь как субъект уголовной юрисдикции просто обязан по ходу следственного действия принимать все возможные меры для правильного и разумного использования участниками своих процессуальных возможностей, в частности, в зависимости от сложившихся обстоятельств интересоваться, не желают ли они заявить ходатайство, отвод, сделать заявление, подсказывать, как правильно написать замечание или дополнение к протоколу и т.д.

Сегодня многие ученые, политики, общественные деятели продолжают делать громкие заявления об обеспечении прав личности, забывая, что эти процессы надо начинать с малого, например с конкретно взятого следственного действия или его отдельного фрагмента. Именно в совершенствовании таких частностей, а не в громких словах и постоянных законодательных реформах нам видится основной вектор развития уголовно-процессуальной детальности в контексте построения в Российской Федерации правового государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. — Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2012.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : ИТИ Технологии, 2003.
3. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник. — 4-е изд. — М. : Норма, 2009.
4. Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. — М. : Проспект, 2015.
5. Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М. : Юрлитинформ, 2001.

Материал поступил в редакцию 23 марта 2017 г.

THE PRACTICE OF REALIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE PRINCIPLE OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS PROTECTION IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES

ROSSINSKIY Sergey Borisovich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
sbrossinskij@msal.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. *This article describes the issues arising in the course of implementation of one of the principles of criminal proceedings which is to protect the rights and freedoms of human and citizen (Art. 11 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) in regard of the involvement of a suspect, accused person, victim or other subjects of criminal procedure in the investigation.*

Based on "high" legal meaning of the principle of protection of human and civil rights and freedoms, the author expresses a sharply negative attitude towards execution of Part 5 Art. 164 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation as cumbersome formalities. The author makes proposals aimed at improving the practical identification technologies for identifying the investigation participants, explaining them the work order, rights, and warning them of their responsibilities, as well as providing an opportunity to effectively utilize the right.

Keywords: *investigative activities, members of the investigative activities, rules for the conduct of investigative activities, the principle of protection of human and civil rights and freedoms, the principles of criminal procedure, the code of criminal procedure the responsibility.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baev O. Ya. Taktika sledstvennykh dejstvij: uchebnoe posobie. — Voronezh: Voronezhskij gosuniversitet, 2012.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. — M. : ITI Texnologii, 2003.
3. Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo : uchebnyk. — 4-e izd. — M. : Norma, 2009.
4. Rossinskij S. B. Mexanizm formirovaniya rezul'tatov «neverbal'nyx» sledstvennyx i sudebnyx dejstvij v ugovnom sudoproizvodstve. — M. : Prospekt, 2015.
5. Tille A. A. Prezumpciya znaniya zakonov // Pravovedenie. 1969. № 3.
6. Shejfer S. A. Sledstvennye dejstviya. Sistema i processual'naya forma. — M. : Yurлитinform, 2001. С. 34.